

Китайские народные сказки

Волшебная картина

В глубокую старину, уж и не помню, какой император о ту пору правил Поднебесной, жил на свете сильный, умный и пригожий юноша по прозванию Чжу-цзы. Ему давно сровнялось двадцать, а он все еще не был женат. Никогда не жаловался Чжу-цзы на свою одинокую жизнь, хотя его частенько одолевала грусть. Говорит ему однажды мать:

— Ох, сынок, и без того в нужде да бедности мы с тобой живем. Так в нынешнем году нас еще императорские чиновники обобрали. Отняли все, что уродилось на клочке нашей тощей земли. Кто же замуж за тебя пойдет, если мы сами себя прокормить не можем?

Прошло месяца три с лишком. Вот уже и Новый год скоро. Неплохо бы, думает мать, пельменями в праздник полакомиться. А то ничего они с сыном не едят, одни отруби да траву горькую. Только нет в доме белой муки на пельмени, откуда ей у бедняков взяться? Хорошо еще, что гаоляновой с полмеры осталось! Но из одной муки пельмени не сделаешь, начинка нужна, а овощи дорого стоят. Придется одной редьки купить.

Позвала мать сына и говорит:

— Осталось у нас, сынок, десять монеток, возьми их, сходи на базар да купи редьки. Я пельменей наделаю.

Взял Чжу-цзы деньги, отправился на базар. Только дошел до овощного ряда, вдруг видит — старик стоит, старинными картинами торгует. На одной картине девушка изображена, красоты такой, что и рассказать невозможно. Залюбовался юноша, глаз отвести не может. Смотрел, смотрел — и влюбился. Не стал Чжу-цзы раздумывать, отдал последние десять монет старику, взял картину и пошел домой.

Увидела мать, что сын вместо редьки картину принес, вздохнула и думает: «Не придется нам, видно, пельменей поесть», а сама молчит, слова сыну не скажет.

Отнес Чжу-цзы картину к себе в комнату и пошел заработка искать. Воротился он вечером домой, зажег свечку, вдруг слышит — зашелестело что-то: хуа-ла-ла. Что это? Не мог же ветер пробраться в дом. Поднял юноша голову, смотрит — картина на стене будто качается. В одну сторону качнулась, потом в другую? Что за диво? Красавица сошла с картины, села рядышком с Чжу-цзы. Рад юноша, и боязно ему. Тут дева улыбнулась, заговорила, и весь страх у юноши как рукой сняло. Ведут они меж собой разговор, а любовь их все жарче разгорается. Не заметили, как ночь прошла. Но только пропел петух, девушка на картину вернулась. Ждет не дождется юноша вечера — сойдет красавица с картины или не сойдет? Наступил вечер, и красавица снова пришла к юноше.

Так продолжалось около месяца. Но вот однажды дева сошла с картины печальная, с поникшей головой. Стал Чжу-цзы допытываться, что ее опечалило. Вздохнула девушка и говорит:

— Полюбила я тебя, и не вмоготу мне смотреть, как ты с утра до ночи трудишься, а все равно в бедности живешь. Хочу я тебе помочь, да только боюсь на ваш дом беду накликасть.

Тут юноша с жаром воскликнул:

— Как вспомню, что вечером увижу тебя, так радостно становится на сердце, что не боюсь я ни бедности, ни голода.

Не дала ему дева договорить и спрашивает:

— Разве справедливо, что ты в такой горькой нужде живешь? Вот тебе двадцать монеток, завтра сходи на базар, купи немного шелковых ниток. Только смотри, как бы кто про меня не узнал.

Все сделал Чжу-цзы, как ему велела красавица. А вечером сошла она с картины и говорит:

— Ложись-ка ты спать, а я поработаю.

Вот и первый петух прокричал. Рассвело. Открыл Чжу-цзы глаза и зажмурился: вся комната так и сверкает от шелка да атласа, — красавица за ночь их наткала. Смотрел на них юноша, смотрел, будто замороженный, потом к матери кинулся. Увидела мать, замерла, глазам своим не верит. Тут рассказал ей сын все по порядку: как каждый вечер спускалась к нему дева с картины, как они

полюбили друг друга, как дала она ему двадцать монет и велела немного шелковых ниток купить, как, наконец, лег он спать, а утром проснулся и видит: вся комната так и сверкает от шелка и атласа.

Услышала мать, обрадовалась, а самой боязно: ведь неспроста все это. Подумала она так, а сыну ничего не сказала. Отнес Чжу-цзы шелка и атлас на базар и воротился домой с целой кучей денег. С той поры зажили мать и сын в довольстве.

Но вот однажды утром, когда Чжу-цзы ушел в поле, а мать хлопотала по хозяйству, явился монах-даос, который по деревням собирал подаяние. Посмотрел он на старую женщину, испуганно вскрикнул и говорит:

— Вижу я на твоём лице знак волшебства.

Вспомнила тут женщина, что рассказал ей сын о волшебной картине, задрожала от страха.

А монах опять говорит:

— Если не хочешь, чтоб горе и смерть пришли к тебе в дом, отдай мне немедленно картину. Там красавица нарисована, она для вас шелка да атлас ткёт.

Как услышала женщина, что монах все про картину знает, ещё больше испугалась. Бросилась в комнату, сорвала картину со стены, свернула её и уже направилась к выходу, но тут услышала тяжёлый вздох. Это красавица вздохнула и говорит чуть не плача:

— Скажи сыну, что я в дальних краях. Если он любит меня, пусть идет в страну Сию. Буду ждать Чжу-цзы весь век, пока не дождусь.

Ничего не ответила бедная мать. Поспешила она к воротам, отдала монаху картину, а сыну ничего не сказала: пусть лучше забудет Чжу-цзы свою красавицу.

Воротился юноша с поля домой, видит — нет на стене картины с прекрасной девой, один гвоздик остался. Бросился он к матери. И рассказала она сыну про монаха-даоса, который предсказал им горе да беду, если она не отдаст ему картины. Нечего и говорить, как закручинился юноша. Лег он на кан, пролежал до самого утра, захотел встать — не может — тяжёлый недуг его одолел. Каких только лекарей не призывала мать! Каких только снадобий не давала сыну! Все напрасно. День ото дня слабел юноша, и мать видела, что смерть уже совсем близко. Села она к сыну на кан, заплакала и говорит:

— Чжу-цзы, Чжу-цзы, сыночек мой единственный, никогда я ничего не делала против твоей воли. Пусть будет так, как ты хочешь. Вижу я, ты умираешь от любви.

Отвечает ей сын:

— Не стану тебя обманывать. Мне бы только разочек на неё взглянуть, вся моя хворь мигом бы прошла.

Сказал так Чжу-цзы, и из глаз у него слезы закапали.

Говорит ему мать:

— Эх, Чжу-цзы, я и сама теперь поняла, что не надо было монаху картину отдавать. А сейчас послушай, что я тебе скажу. Сняла я тогда со стены картину, свернула её и пошла отдавать даосу, вдруг слышу — будто кто-то тяжело вздохнул, а потом дева чуть не плача говорит мне: «Скажи сыну, что я в дальних краях. Если он любит меня, пусть идет в страну Сию. Буду ждать Чжу-цзы весь век, пока не дождусь». Не хотела я тебе про то рассказывать, думала, забудешь ты её, да, видно, не бывать тому. Только где эта страна Сию, никто не знает, да и болен ты сейчас.

Но в сердце Чжу-цзы уже загорелась надежда. С каждым днем ему становилось все лучше и лучше. И вот однажды мать положила в холщовый мешочек все деньги, которые они выручили от продажи шелков и атласа. Чжу-цзы вывел за ворота коня, вскочил на него, взял мешочек с деньгами, махнул матери на прощанье рукой и поскакал на запад.

Много ли, мало ли дней прошло — трудно сказать, только все деньги, что были в полотняном

мешочке, Чжу-цзы истратил: даже коня давно продал, чтоб за еду да за ночлег платить, а страну Сию все не видать да не видать. Пришлось Чжу-цзы на поденную работу наняться. Заработал он немного денег и снова в путь отправился.

Много дней шел юноша. Притомится, про деву вспомнит и опять идет, будто силы в нем прибавилось. Все реже попадались юноше деревни, часто приходилось ночевать в поле.

Однажды он за весь день так и не встретил ни одного селения. Во рту у него не было ни капли воды, ни одной рисинки. А ночевать снова пришлось под открытым небом. Проснулся он на следующее утро, вдруг видит — поблизости небольшой овражек. Обрадовался Чжу-цзы, побежал к овражку, смотрит — воды там нет, ручей давно пересох. Пошел юноша вдоль оврага, и вдруг заметил небольшую ямку, в ямке — вода. Спустился юноша вниз, присел на корточки и только хотел напиться, как вдруг откуда ни возьмись маленькая черная рыбка. Посмотрел на нее Чжу-цзы и говорит:

— Рыбка, рыбка! Выпью я эту воду — ты и часу не проживешь, не выпью — сам умру от жажды. Но двух дней не пройдет — ты все равно умрешь, потому что вода эта высохнет. Как же мне быть? Думал, думал юноша и надумал. Взял платок, смочил водой, завернул в него рыбку, что осталось на дне, выпил и пошел дальше.

Много ли он прошел, мало ли, про то я не знаю, только солнце уже стало клониться к западу. Вдруг видит Чжу-цзы — река перед ним широкая с севера на юг течет. Глубины такой, что, сколько ни смотри, дна не увидишь. Пригорюнился Чжу-цзы, сел на берегу, не знает, что делать. Вдруг вспомнил о рыбке и говорит:

— Не знаю, что сам буду делать, а ты, рыбка, плыви себе на здоровье!

Сказал так юноша и выпустил рыбку на волю. Рыбка только чешуей блеснула на солнце и тотчас исчезла. Поглядел юноша направо, поглядел налево: нет реке конца, словно в небо она вливается. И лодки нигде не видно. Как же перебраться на другой берег? Неужели он никогда больше не увидит своей возлюбленной? Опустил юноша голову и пошел прочь.

Идет, идет, вдруг слышит — кто-то его окликнул:

— Чжу-цзы!

Оглянулся — нет никого. Померещилось, верно, думает юноша, кто это мог звать его здесь по имени?

И вдруг опять слышит:

— Чжу-цзы, Чжу-цзы, погоди!

Оглянулся Чжу-цзы и на этот раз увидел юношу высокого роста, одетого в черное.

Спрашивает юноша:

— Хочешь на тот берег перебраться?

Отвечает Чжу-цзы:

— Хочу, да не знаю как.

Говорит ему юноша:

— Твоей беде я могу помочь, мигом мост выстрою.

Сказал так юноша, обломил ивовый прут, в реку бросил. В тот же миг прут узеньким мосточком обернулся. Так обрадовался Чжу-цзы, что забыл поблагодарить юношу, побежал по мостику, а когда ступил на берег и оглянулся, ни моста, ни юноши уже не было. Только маленькая черная рыбка весело плескалась в воде.

Пошел Чжу-цзы дальше. Поднялся на гору, смотрит — внизу, в долине, небольшая деревушка. На северном ее краю двухэтажный дом висится, в воротах старый монах-даос стоит. Видит Чжу-цзы, что солнце совсем уже низко, и решил на ночлег попроситься. Долго хмурил брови старый даос, насилу согласился пустить юношу в дом, и отвел его в правый флигель. Пришли они в комнату, а

там стены цветной бумагой оклеены. Кровать стоит да маленький столик.

Говорит монах:

— Ложись спать, только, смотри, ничего не трогай.

Сказал так и ушел.

Лег Чжу-цзы и думает: «Что здесь трогать, когда в комнате ничего нет». Думал он думал, и тревога его одолела. Ворочается юноша с боку на бок, никак не уснет. Вдруг ненароком рукой до стены дотронулся. Замерло у юноши сердце. Что это? Под бумагой маленькая дверка оказалась. Оборвал юноша с этого места бумагу, по комнате лунная дорожка побежала. Приоткрыл Чжу-цзы дверцу, смотрит — сад, в саду тропинка прямо к беседке ведет, в беседке огонек светится. Вдруг из беседки вышла женщина. Чжу-цзы тотчас захлопнул дверцу, но в серебристом свете луны успел разглядеть ее лицо. Это была его красавица, та самая, которая каждый вечер спускалась к нему с картины, его возлюбленная, которую он так долго искал. Юноша снова приоткрыл дверцу и крикнул:

— Неужели ты?

Женщина сделала ему знак, чтоб молчал, потом подошла и тихонько сказала:

— Вот и пришел ты в страну Сию. Я знала, что ты меня найдешь. А теперь давай убежим отсюда. Я похитила у старого даоса волшебный меч и убью его, если он будет гнаться за нами.

Сказала так женщина, оторвала полу своего халата, постелила на пол и велела Чжу-цзы встать на нее рядом с собой. Только он встал, как пола облаком обернулась и начала подниматься вверх, в самое небо. Летит Чжу-цзы на облаке — словно в паланкине его несут.

Вдруг красавица наклонилась к нему и говорит:

— Погнался все-таки старый монах за нами, но ты не бойся, закрой глаза и не оглядывайся, пока не скажу. Я и одна с ним справлюсь.

Сказала так красавица, вытащила волшебный меч. В тот же миг ударил гром, засвистел ветер, зашумел ливень. Страшный крик потряс все вокруг. Вслед за тем наступила тишина. Приказала тут женщина Чжу-цзы глаза открыть. Смотрит юноша — они с красавицей на твердой земле стоят. А у их ног лежит обезглавленный оборотень.